

УДК 82

МРНТИ 17.01.07

DOI 10.37238/2960-1371.2960-138X.2024.93(1).15

¹Умарова Г.С., ²Тюлебаева К.К.*

^{1,2}Западно-Казахстанский университет им.М.Утемисова, Уральск,
Казахстан

*Автор-корреспондент: komysajtulebaeva@gmail.com

E-mail: umarova_1959@mail.ru, komysajtulebaeva@gmail.com

ВОСТОЧНЫЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Аннотация. Статья отражает результаты исследования проблемы Востока, восточных мотивов в европейской, русской поэзии эпохи романтизма в сопоставлении с отображением восточных мотивов в поэзии серебряного века в русской литературе в начале двадцатого столетия. Отмечается общее и отличие в художественных текстах темы Востока и восточных мотивов у европейских и русских поэтов-романтиков. Дается описание сравнительного анализа присутствия феномена Восток и восточных мотивов в произведениях поэтов серебряного века.

В статье доказывается мысль о реальном погружении поэтов символистов, акмеистов, футуристов и других, в отличие от романтиков, в мир восточной философии, поэзии. Сообщается об изучении поэтами начала двадцатого века миропонимания поэтов восточной культуры. Выявляется концептуально принципиальная новизна в отображении ими феномена Восток, открытие ими поэзии Китая, Японии, Индии и др. Говорится об особенном восприятии поэтами серебряного века скифов как детей свободной природы и скифства как стихийного явления, несущего очищение.

Статья содержит сообщение об индивидуальном художественном стиле почти каждого из поэтов эпохи серебряного века, на который оказали воздействие глубинные традиции восточной поэзии. В.Соловьев отмечает синтез культуры Востока и Запада; Д.Мережковский – «религию без Бога, религию земную, безнебесную» в Китае, способной привести к «некатастрофичному исходу» в истории человечества; Н.Гумилев восхищен «садом цветов» в персидской поэзии как символом истины об единстве человека с природой, мирной деятельности человека, не стремящегося к войне, уничтожению всего живого; К.Бальмонт – восхищение цветущими растениями, подобно в японской поэзии, как символ приближения к божественному; В.Хлебников – позитивные силы, хранящиеся в Востоке для будущего; историко-национальный потенциал Азии для человечества и др.

Ключевые слова: восточные мотивы; иррациональное начало; серебряный век; завораживающий мир; духовная категория.

Введение

Проблемы отображения восточных мотивов в русской литературе становились темами исследования литературоведов не только в прошлом

столетии, но и продолжают вызывать интерес современных ученых. Существует мнение, что поэзия романтиков европейской литературы воспринимали мир искусства Востока как часть общей восточной и западной культуры, цивилизации. Восточный мир их романтической поэзии носил более условный, фантастический характер. Восток, по их пониманию, представлял культуру народов Средиземноморья – Сицилии, Кипра, Крита, а также Албании, Египта, Турции, Мальты, Марокко – стран Ближнего Востока [1, с.28]. Русские поэты-романтики, в первую очередь, Пушкин и Лермонтов, позже поэты серебряного века, понимали и отображали Восток совершенно по-иному. Восток у них, в отличие от поэтов-романтиков европейской литературы, был близкой территорией, находящийся вблизи, граничащий с Россией или даже входящий в состав их страны. Ими считались Кавказ, Карпаты, завожские степи.

В поэзии Гюго, Байрона и раннего Делакруа и др. встречается волшебное изображение восточной экзотики, сопровождаемое их собственными видениями, фантазиями, часто подкреплёнными для европейцев девятнадцатого столетия сведениями и штампами, очень редко вкраплёнными собственными впечатлениями, которые получили путешественники по странам Востока. Русские романтики включали в свои произведения реальные, достоверно описанные природные ландшафты, стремясь показать глубинные элементы восточной культуры. Впервые в поэме А.С.Пушкина «Кавказский пленник» герой замечает своеобразие «их веры, нравов, воспитанье», «гостеприимство, жажду брани, / «движений вольных быстроту». Его удивляет «их жизни простота», бесхитростность их удобной одежды [2, с.99]. Русского поэта-романтика восхищает необычное своеобразие горного пейзажа Кавказа, он описывает с восторгом горные равнины, бушующее море, сказочную дымку тумана, песчаную бурю и ливень. Лирического героя Пушкина завораживает красота кавказской ночи, он воспевает утреннюю свежесть местности, столь роскошной и непривычной. Кавказский пейзаж способствует Пушкину-романтику описать как бы свой мир грёз, непохожий на несовершенные русские реалии того времени. Поэт-романтик вдохновляется завораживающим миром Востока, остро воспринимая тонкости восточного жизнеустройства.

Европейские романтики прибегали к описанию цветущих садов, трели птиц, покоя и тишины рассвета, стихии моря как показатель гармонии и красоты Востока. Пушкин же к совершенству кавказской природы относит величественные горы с устремленными к небесам заснеженными вершинами, как мощь и неприступную красоту, олицетворение недосягаемых романтических грёз.

Для русского романтика Восток с уникальными традициями и обычаями хранит в себе иррациональное начало, где жизнь человека протекает на лоне природы, его поведение чаще непредсказуемо, настроение быстро меняется. Здесь царит особенная атмосфера, в которой часты неожиданности и тайны, контрасты и противоречия. Особенно такое восприятие Востока читатель заметит на страницах романа М.Ю.Лермонтова «Герой нашего времени». Лермонтов говорил А.А.Краевскому о том, как многому научился у азиатов, о своем желании проникнуться «в таинство азиатского мирозерцания, зачатки которого и для самих азиатов», и для русских «еще мало понятны». Русский поэт был уверен в

существовании на Востоке «тайника богатых откровений» [3, с.250]. Русские романтики пытались отобразить сознание, душевное состояние, духовное начало культуры человека Востока.

В то же время о восприятии русскими, в частности, славянофилами Востока при критике Запада, по мнению исследователя Ю.Самарина, имелось в виду лишь самобытность России как христианского Востока. При этом их отношение к Азии оставалось европейским, не считаясь никак образцом ни китайский, ни буддийский, ни мусульманский Восток. В их понимании Восток, считает исследователь, заканчивался границами Урала, но «не Ислам, не Татары, а мир Славяно-Православный, наш единоплеменный и единоверный». К Западу они относили мир Романо-Германский или Католико-Протестантский» [4, с.98]. Несмотря на то, что Азия была соседом огромной России, даже являлась частью большого государства, считает исследователь Кузнецов, русская интеллектуальная мысль XIX века «всегда скрыто или откровенно стыдилась Азии, как стесняются перед авторитетными и просвещёнными гостями бедного, некультурного и непредсказуемого родственника» [5, с.164].

Своеобразие отображения конкретного, а не мистического Востока, восточных мотивов очень отлично и уникально в начале двадцатого столетия получилось у поэтов серебряного века в русской литературе. Далее мы изложим основные положения результатов исследований современных филологов и наше видение данной проблемы.

Материалы и методы исследования

В ходе исследования проблемы отображения Востока, восточных мотивов в поэзии серебряного века нами использованы биографический, историко-литературный, а также мифологические и структурно-семантические методы анализа текста.

Результаты исследования

Принципиально отличное восприятие Востока наблюдается в поэзии серебряного века в русской литературе в начале XX столетия. Восток для многих поэтов серебряного века означал погружение в атмосферу восточной поэзии и миропонимания ее поэтов, поиск восточных традиций духовных истоков; воздействие на русскую культуру, по Вяч.Вс.Иванову, «внешних поэтических форм и самого быта Востока» [6, с.98]; восприятие В.Соловьевым путешествия в Восток как поиски истоков Духа веры и любви. Присутствовало представление Востока в качестве олицетворения ислама, причем ислам не как символ веры.

На отражение восточных мотивов в поэзии серебряного века оказало немалое влияние эсхатологическое миропонимание поэта-философа В.Соловьева, выразившееся в статье «Враг с Востока». В ней автор представил свою идею о «панмонголизме». Суть ее в предсказании философом неминуемого столкновения европейского Запада со сплоченной силой азиатского Востока, которое может привести к уничтожению западной культуры. По прогнозам В.Соловьева, «дальняя Азия», не раз опустошившая своими полчищами кочевников «христианский мир», может вновь одолеть «своими культурными и духовными силами, сосредоточенными в китайском государстве и буддийской религии» [7].

В то же время поэт В.Соловьев в стихотворении «Ех oriente lux. (Свет с Востока)» (1890) утверждает, что, когда весь «мир опять в крови»/ Душа вселенной тосковала / О духе веры и любви! Мир спасает «...свет с Востока.../ С Востоком Запад примирил. Предполагается, что «слово» используется В.Соловьевым в значении «просветление» [8]. Свою концепцию всеединства о синтезе культур Востока и Запада В.Соловьев выразил в научном труде «Исторические дела философии».

Яркий представитель поэзии серебряного века Д.Мережковский в статье «Грядущий Хам» (1906) вводит метафору о Китае как царстве «вечной середины», абсолютной посредственности и мещанства, одновременно говоря о «духовной основе Китая». Поэт имеет в виду учение Лао-Цзы и Конфуция в качестве «совершенного позитивизма, религии без Бога, религии земной, безнебесной» [9, с.10].

Восточные мотивы звучат в стихотворении «Восточный миф» (1887) у символиста Д.Мережковского [10]. В нем лирический герой царевич, «взлелеянный в тиши чертога золотого», пребывает в неведении о жизни, он «никогда не видел мук и слез/ Про зло не говорил никто ему ни слова». Герой пребывает в сознании безысходного одиночества. Когда же ему удалось побывать вне «чертога золотого», он сталкивается со страшной картиной реальной жизни: видит человека, которого настигла «старость роковая», одинокого, теперь никому не нужного. Царевич в ужасе узнает о подобном конце жизни каждого живущего. Ему непонятно, почему же тогда люди слушают музыку, восхищаются красотой цветов, если удел у всех таков. Но через семь дней (цифра очень значимая в восточной культуре) герой вновь пускается в путешествие, где его теперь пугает вид умирающего больного. На его вопрос, что же могло с ним случиться, раб поясняет, что в природе человека может ожидать любой недуг: В лобзаннях женщины и в пенящемся кубке,/ В прозрачном воздухе, и пище, и воде!..», в результате недуг превращает человека в немощного, хрупкого, точно «стебли высохшей травы».

Вновь через семь дней герой пускается в путь познания жизни, встречает умирающего молодого человека и рядом его рыдающих мать, отца, жену. Герой не понимает, почему же умирающий не слышит полных горечи слов любимых, раб же истолковывает царевичу состояние умирающего: ему этот мир теперь не значим, он в мире ином.

В последующем, увидев на лоне природы «не учителя, не пророка», а простого поденщика, ночующего в степи, не страшась «ни муки, ни болезни», но имеющего «сердце любящее», говорящего людям о добре», учившего «простых людей», «не жалуясь на рок», герой в корне меняет свое отношение к жизни, следует принципам жизни странника «любить» жизнь. Герой стыдится, что, «как в этой роскоши, не видел слез и муки», он «жизнь дерзнул назвать ничтожной и пустой.. Он упрекает себя, что не понимал «смысла и цели вселенной». Он называет себя «больным, глупым, несчастным дитя», который «без веры, без любви решал дерзновенно/Вопросы вечные о тайнах бытия. Он приходит к выводу, что его помощь нужна «миллионам голодных, гибнущих, истерзанных людей». Счастье ему теперь видится в ранее ему неведомом деле: «в

любви, в простой любви ко всем». По Мережковскому, тайна восточного мировосприятия заключается в совершенно ином аспекте, чем у европейца. Восточное миропонимание приходит через осмысление вечных вопросов бытия.

Лирический герой «Восточного мифа» в поиске своего собственного «Я», в процессе инициации, в замкнутом пространстве «одиноким кельи». Подобная изоляция способствует интуитивному, иррациональному постижению мира. По суждению Т.Ю. Ковальчук, жизнь героя «предстает как искупительная жертва, положенная в основу будущего гармоничного мироустройства». Время представлено в «черере мгновений», где герой ощущает себя «звеном» жизненной цепи». Его состояние двойственно. Он как бы частица мировой истории, «ступень» на пути к лучшему миру, но, в то же время, он затерян, сильно развитое личностное начало лирического героя рождает в его душе чувство затерянности, «стёртости» в безмерности мирового пространства и бесконечности временного потока [11]. В «Восточном мифе» современники поэта отмечали характерную эстетическую позицию Мережковского, акцентируя философское содержание, иллюстрацию его философской системы в поэтическом творчестве. Лирику Мережковского, ее мотивы, формы, А. Долинин называет единственной областью, в которой «обнажается мироощущение» поэта; «той самой основой, почвой», послужившей росту «многообразного, чрезвычайно осложненного его творчества» [12, с. 272]. Можно согласиться с Л.П. Щенниковой, что стихотворение «Восточный миф» демонстрирует поэтическое мироощущение художника в период его творчества, когда поэт был в поиске «найти путь к некастрофическому «исходу» [13, с. 8].

Восточные мотивы в поэзии серебряного века связаны с интересом поэтов к явлению, называемому «скифством». Оно было известно с эпохи Геродота. В начале двадцатого столетия философы, поэты превращают понятие «скифство» в один из вариантов актуальных на стыке веков философских идей, чаще мифологизируя его в поэзии. Тема «скифов», понятие «скифство» становятся главными в поэзии. Это «Скиф пляшет» Вяч. Иванова (1891), «Мы скифы» (1899), «Скифы» (1900) и «Древние скифы» (1916) В. Брюсова; «Скифы» (1893) К. Бальмонта, «Скифское» (1908) В. Хлебникова, «Скифские суровые дали» (1908-1920) Ф. Сологуба, «Скифы» (1918) А. Блока, «Дикое поле» (1920) М. Волошина, «Скифское» (1923) М. Цветаевой и др.

Стихийность, безудержность, вольные начала, буйство видят в скифах поэты серебряного века. Почти все они еще видели в скифстве «панмонголизм» В. Соловьева, осмысливающий вечную проблему «Восток-Запад», как взаимоотношения двух миров. По мнению исследователя Е.В. Концовой [14] образ сильного и храброго наездника, кочевника, виртуозного стрелка из лука, признающего только бога войны, преданного древним обычаям, составляют, в первую очередь, образную систему художественных текстов о «скифах». Главной проблемой в них выступала проблема цивилизации и стихии естественного бытия. Важной является мысль о скифах не в качестве варварских племен, а стихией, несущей очищение, уничтожая на своем пути все старое. Скифы поэтов серебряного века, по мысли Е.В. Концовой, выполняют роль мифологемы обновляющей стихии, близкой к природе, естественным реалиям, не испорченной

цивилизацией. Скифы, по их пониманию, – это те, кто желал подчеркнуть свою патриархальность, «варварство», духовное здоровье и желание жизни, отличаясь от устоявшегося, одряхлевшего развития старой Европы.

Стремление осветить «скифскую» тему в поэзии способствует порождению целой идеологии «скифства», которая нашла свое отражение в издании А.Белым, В.Брюсовым, С.Есениным, Н.Клюевым, М.Пришвиным и др. сборников «Скифы I» (1917) и второго сборника (1918). В результате «скифство», по Е.В.Концовой, становится значительным эстетическим явлением. «Скиф» поэзии серебряного века не знает «Бога, который бы нашептал сомнения там, где ясен и звучен призыв жизни. / Бог скифа неразлучен с ним, на его поясе – кованый бог» (Скифы I, 1917. – с.7). Здесь же объяснялось, что скифство есть течение, в котором можно найти «искания духа мятущихся духовных скифов» (Скифы I, 1917. – с.6). Скифство ставилось в этом манифесте на уровень романтики простора и воли. Скифу противопоставляют Мещанина, а не Эллин, у которого, как и у Скифа, присутствуют светлый и ясный ум. Прозабание полагается врагом «Скифа». Скифы вызывали восхищение, их представляли детьми свободной природы. Часть поэтов серебряного века считали нашествие скифов как движение, несущее очищение, уничтожая пережитки старого мира.

Своеобразно восприятие «скифов» у Блока, связанного с сюжетом, полагает П.Кузнецов [5, с.177], ставшим позже в литературе архетипическим. Архетипический сюжет «о духовном аристократе» А.Блока пытается предать анафеме европейский гуманизм, на котором он вырос. Его молодость формировалась на основе «утонченной европейской культуры». Раньше его восхищение и удивление вызывали «готика средневековья, великое прошлое Европы». Теперь «духовный аристократ» пытается скинуть с себя опостылевший сюртук так называемого «побочного дитя западного христианства». Личность героя Блока, подчеркивает Кузнецов, не в силах выдержать «собственного напряжения» и старается «развоплотиться, раствориться в духе музыки, в древних безличных стихиях, все еще доносимых до цивилизованной Европы ветрами Востока».

«Скифы» Блока несколько иначе понимает современный исследователь Е.В.Бессчетнова [15]. Она отмечает у автора стихотворения его видение нравственного и культурного распада от монгольской угрозы. По ее мнению, Блок изображает, как «новая, постреволюционная Россия, которую ненавидит «старый Запад», перестает быть «щитом» между враждующими западной и восточной культурами, становится «варварской и темной».

Особое мироощущение, таинственное, не поддающееся пониманию явление, ощущает скифию Марина Цветаева («Скифское», 1923). Для нее это своего рода грандиозное чуждое пространство, сохраняющее свою неодолимость, даже в отношениях между людьми. По Е.Концовой, для Цветаевой скифия – неподдающееся физическому преодолению (перебежать, переехать) пространство.

Таким образом, в первую очередь, стремление русской литературы осмыслить Восток в начале двадцатого столетия продиктовано веком предыдущим. Во-вторых, концептуально принципиальную новизну в восприятие феномена «Восток» вносит поэзия серебряного века.

Русских поэтов, деятелей культуры привлекал Восток, говорится в исследовании Е.Концовой, возможностью поиска ответов общих корней человечества. Исследователь напоминает очень продуктивный, предложенный Вяч.Вс.Ивановым метод анализа описания воздействия глубинных восточных традиций, духовных поисков на европейскую поэзию, и также оказание влияния на неё «внешних поэтических форм и самого быта Востока» [4, с.446]. Е.Концовой акцентируется внимание на совете Вяч.Вс.Иванова об изучении того, «как Восток в Европейской поэзии сказывается в самой форме сочинений о Востоке» [4, с.451]. В итоге, выделяемые Вяч.Вс.Ивановым методы могут оказать существенную помощь в прояснении различных аспектов исследования популярной в литературоведении проблемы соотношения «Востока» и «Запада» в художественном сознании рубежа XIX - XX вв.

Уникальность «Востока» с духовно-религиозными идеями в творчестве К.Бальмонта, Н.Гумилева и В.Хлебникова способствует осмыслению эстетических проблем. Своеобразие осмысления Востока каждым из поэтов серебряного века продиктовано установками определенного поэтического направления – символизма, акмеизма, футуризма. Одновременно оно зависит от собственно авторского, индивидуального осмысления художественного стиля каждого из поэтов. Все же видение Востока К.Бальмонтом, Н.Гумилевым и В.Хлебниковым, разумеется, не ограничено, по Е.Концовой, лишь поисками в аспекте эстетических программ.

Изучение К.Бальмонтом Востока строилось на основе впечатлений от его поездок в восточные страны Индийского и Тихого океанов, Китая, Японии, изучением буддизма, сбором фольклора и переводом восточной литературы на русский язык. Им были переведены мифы Океании, египетской поэзии, поэма буддийского драматурга Ашвагхоши «Жизнь Будды». Вследствие этого «Восток» К.Бальмонта своеобразен индо-буддийскими мотивами, «восточной мудростью» в циклах лирических произведений «Индийские травы», «Великое Ничто», «Фейные сказки». При этом поэтом сохраняется собственные духовно-религиозные контуры. Символист К.Бальмонт достигает при этом универсальную для своего художественного стиля категорию «мига-бытия», достигая ранее невиданную интерпретацию красоты в своей лирике. У Бальмонта, как и в японской поэзии и культуре, любование и восхищение красотой цветущих растений равнозначно приближению к божественному.

Поэзия Н.Гумилева отличается восприятием Востока через призму персидской темы как жизнеспособной формы культуры. Гумилевский Восток выступает как средство отображения земного, «вещного» мира в рукописном сборнике «Персия», где персидская миниатюра явилась символом нетленного мира искусства. На такие высоты Н.Гумилев выходит на основе увлечения поэзией исламских поэтов-мистиков Гафиза, Саади, Хайяма, Насири Хосрова. Стихотворение акмеиста «Пьяный дервиш» из сборника «Персия» было навеяно русским переводом стихотворения Насири Хосрова «Песни» [16, с.63]. Гумилевым была воспринята суфийская символика покровы вечности через архетип восточной поэзии лика некоей красавицы или красавца с пышными темными кудрями. Суфийскую символику *покровы вечности* можно было

заметить на лице героини/героя только при дуновении сильного ветра, открывающего кудри с её/его лица. Суфийскую символику *покрова вечности* в гумилевском варианте звучит так: *Мир – лишь луч от лица друга,/ Все иное – тень его* [17].

«Дитя Аллаха» (1916) – так назвал акмеист Н.Гумилёв свою восточную поэму. Поэма посвящена Гафизу. На персидском языке имя героя звучит как Хафиз, воспринимаемый как «хранитель Корана». Поэт-мудрец Гафиз в гумилевской поэме – бывший дервиш. Он, став аскетом, выбирает местом жительства самый край пустыни, чтоб посвятить себя служению Всевышнему. Однако Гафиз решает изменить свою жизнь на воспевание радостей земной жизни. Решение Гафиза происходит под влиянием Пери, дитя Аллаха, волшебного существа в образе прекрасной крылатой женщины (в персидской мифологии она защитница людей от злых духов), и по наставлению покровителя странствующих и путешествующих Хизра. В поэме до встречи с поэтом-мудрецом Пери получает благословение и награждение познать земную любовь лучшего из сыновей Адама за свою находку бесценной подковы иноходца Магомета. Награждение в виде Соломонова кольца Пери получает от святого Дервиша, который советует ей «кольцо милому надеть». Для охраны Пери от недостойных претендентов святой Дервиш отправляет с ней Единорога.

В поисках земной любви лучшего из сыновей Адама Пери проходит испытание трижды. Первым ей встретился юный гурман любви Юноша. Ему были по нраву только наслаждения в жизни. Вторым стал сильный по характеру воин Бедуин, видевший свое предназначение в жизни только в участии в войнах. Оба героя, которыми увлеклась Пери, погибают. Разочарованная и опечаленная Пери пускается в Багдад, где так и не находит лучшего из сыновей Адама. В беспрестанных поисках «мира сладчайшего любви земной», «чтоб заслужить прощенье/ за содеяное зло» (смерть двум молодым людям) Пери слышит изумительное пение Гафиза. Пери восхищаются его «кудри черные». Здесь можно отметить, что Гумилев использует суфийскую символику *покрова вечности* в образе черных кудрей Гафиза.

Хизра, бессмертного покровителя странствующих и путешествующих, владеющего живой водой, в поэме Гумилев величает «отцом садов». Образ Хизра в суфийской поэзии встречается как седобородый старец. Его постоянным одеянием всегда является зеленый халат. В суфийских источниках Хизр является символом ислама. По восточному поверью везде начинает расти трава и расцветать сады, где только вступят ступни Хызра. В поэме Гумилева, как и в суфийской поэзии, «сад» с источником живой воды означают «истину». Полагаем, что по Гумилеву, восточная истина жизни в близости человека к природе, в облагораживании ее человеком, а не участие его в уничтожающих людей войнах.

Доминантами азиатских образов выделяется Восток в поэзии футуриста В.Хлебникова. В поэме «Хаджи-Тархан» Восток владеет потенциалом, в котором мир найдет силы для будущего. В художественном мире В.Хлебникова понятие «Восток-Россия-Запад» представлен через символы: степь – река – море, Астрахань-Петербург, холм – храм. Доминирующими выступают восточные

образы. «Восток» В.Хлебникова имеет историко-национальный аспект, расширяющий и уточняющий идею Азии.

О прочности своего «азиатского дома» в русской поэзии писала А.Ахматова, обращаясь к тем, «кто посмеет сказать, что здесь» она «на чужбине» [18,с.447]. Стихотворение написано в дни ее переезда в годы войны из осажденного Ленинграда в Ташкент. «Азиатские» корни Ахматовой в ее фамилии от бабушки-татарки. В стихотворениях о Ленинграде, созданных в Узбекистане [16, с.4], проступает образ Востока: Заснуть огорченной,/ Проснуться влюблённой, / Увидеть, как красен мак. / Какая-то сила/ Сегодня входила/ В твоё святилище, мрак!/ Мангалочный дворик,/ Как дым твоё горек,/ И как твой тополь высок.../ Шахераза/ Идет из сада../ Так вот ты какой, Восток!

«Рысьи глаза» Азии, по Ахматовой, способны как что-то «томительное, и трудное» могут невольно влиться «словно вся прапамять» в ее сознание». Даже после отъезда в Ленинград, в лирике А.Ахматовой будет теплом звенеть Ташкент как символ Востока, где она «была здесь лет семьсот», но «все так же льется Божья милость/ С непрекаемых высот...».

Таким образом, уникальность поэзии серебряного века в русской литературе заключалась в их реальном исследовании, погружении в восточную поэзию, в попытке исследовать миропонимания ее поэтов, в поиске восточных традиций духовных истоков; в использовании поэтики восточной лирики в своем художественном стиле. Восточные мотивы в поэзии серебряного века были продиктованы стремлением русской романтической поэзии осмыслить Восток предыдущим веком. Восточные мотивы в лирике поэтов серебряного века представили концептуально принципиальную новизну в понимании феномена Восток, восточной поэзии и культуры.

Заключение

Результаты исследования отображения восточных мотивов в поэзии серебряного века показали отличие восприятия у европейских и русских поэтов эпохи романтизма. Европейской поэзии того времени было присуще отображение Востока более романтическое, условное. В их произведениях фантастические события в сказочном Востоке происходят на фоне гармоничной и прекрасной природы. Русские романтики увидели на Востоке, в частности, на Кавказе, первозданную природу с ее горами как мощь, олицетворение непреступной красоты, недостижимых романтических грёз, и что в культуре восточных народов с их уникальными традициями и обычаями она заметили иррациональное начало. И у европейских, и у русских романтиков Азия оставалась европейской, без интереса и знаний ни к китайскому, ни к буддийскому, ни к мусульманскому Востоку.

Уникальное отражение Востока, восточных мотивов наблюдается в поэзии серебряного века в русской литературе в начале XX века. Поэты, представители символизма, акмеизма, футуризма и не принадлежащие к этим течениям другие поэты, в эпоху исторического катаклизма обращаются к культуре и поэзии восточных народов. Часть их предпринимает путешествие по странам Индии, Китая, Японии и др., с целью погружения в мир восточной лирики, пытаясь изучить художественный мир восточных поэтов. В отличие от европейских и

русских поэтов романтизма, серебряный век реально пытается прикоснуться к миру скифов, в философию скифства как в стихию очищения, естественного бытия, не испорченной цивилизацией. Серебряный век вводит совершенно иное, новое концептуально принципиальное понимание феномена Восток, восточной поэзии и культуры, открытый поэтами в результате поиска ими общих корней человечества, истоков Духа. В итоге в их индивидуальном художественном стиле заметно влияние глубинных восточных традиций, духовных поисков, поэтики при введении в произведения восточных мотивов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Искандарова Н.Б. Тема Востока в творчестве А.С.Пушкина // Вестник науки и образования. – №3 (81). Часть 2. – 2020. – С. 28-31.
- [2] Пушкин А.С.. Кавказский пленник. Текст. – URL: <https://ilibrary.ru/text/441/p.1/index.html?ysclid=ls79ct4ima820429911>. – 179 с. (дата обращения: 14.11.23).
- [3] Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч. – М.: Воскресение, 2000. – Т.2. – 401 с.
- [4] Самарин Ю. Сочинения: В 2 тт. – Т.1. – М.: РОССПЗН, 1991. – 278 с.
- [5] Кузнецов П. Евразийская мистерия. – «Новый мир», 1996. – №2. – С.163-186.
- [6] Иванов Вяч.Вс.. Хлебников и наука // Пути в неизвестное. – М.: Советский писатель, 1986. – С.406 – 409.
- [7] Соловьев В. Сочинения: В 2 тт. – Т.2. – М.: Мысль, 1989. – 822 с. – С.432.
- [8] Соловьев В. Ex oriente lux. (Свет с Востока). Стихотворение, 1890. – Художественная литература. – URL: <https://azbyka.ru/fiction/> (дата обращения: 17.11.23).
- [9] Мережковский Д. Полное собр.соч. – Т.14. – 1994.
- [10] Мережковский Д. Искусство Серебряного века. – URL: vk.com (дата обращения: 17.11.23).
- [11] Ковальчук Т.Ю. Пространственно-временная организация художественного мира поэзии Д.С.Мережковского, 2011. – URL: <https://www.dissercat.com/> (дата обращения: 02.12.23).
- [12] Долинин, А. Дмитрий Мережковский // Русская литература XX века (1890-1910) : в 2 т. / под ред. С. А. Венгерова. – М. : Издат. дом «XXI век – согласие», 2000. – Т. 1. – С. 279-332
- [13] Щенникова Л. П. Дмитрий Мережковский: структура сознания философствующего поэта на пороге XX века. // Филологические науки. – 2003. – № 6. – С. 3-11.
- [14] Концова Е.В. Своеобразие поэтического «Востока» в литературе серебряного века: К.Бальмонт, Н.Гумилёв, В.Хлебников// Автореф.к.ф.н., 2003. – URL: <https://www.dissercat.com/> (дата обращения: 10.12.23).
- [15] Бессчетнова Е.В.. Панмонголизм. 2024. – 11 января. – URL: <https://bigenc.ru/c/panmongolizm-9f1c80?ysclid=lsdk7dxfbl401473139> (дата обращения: 17.12.23).

- [16] Гаджиева Д.А. Восток в творчестве поэтов и писателей серебряного века как отражение евразийской мысли. // Известия ДГПУ, №4, 2015. – С.62 – 66.
- [17] Гумилев Н. Поэзия. – URL: <https://www.culture.ru/poems/38645/pyanyidervish?ysclid=lsdnxdn88k754202541> (дата обращения: 30.01.24).
- [18] Ахматова А.А. Собр.соч.в 2 т. – Т. 1. – М.: Правда, 1990. – С.447

REFERENCES

- [1] Iskandarova, N.B. (2020). Tema Vostoka v tvorchestve A.S.Pushkina [The theme of the East in the works of A.S. Pushkin]. *Vestnik nauki i obrazovaniya*. – №3 (81). *Chast' 2*. [in Russian].
- [2] Pushkin, A.S.. Kavkazskiy plennik. Tekst [Complete collection of works.] – URL: <https://ilibrary.ru/text/441/p.1/index.html?ysclid=ls79ct4ima820429911>. (date of application: 14.11.23) [in Russian].
- [3] Lermontov, M.YU. (2000). Poln. sobr. soch. Moscow [in Russian].
- [4] Samarin, YU. (1991). Sochineniya: V 2 tt. [Essays: In 2 tt] – Т.1.Moscow [in Russian].
- [5] Kuznetsov, P. (1996.) Yevraziyskaya misteriya. [The Eurasian Mystery] – «Novyy mir» [in Russian].
- [6] Ivanov, Vyach.Vs. (1986). Khlebnikov i nauka [Khlebnikov and science]. *Puti v neznyayemoye*. Moscow [in Russian].
- [7] Solov'yev, V. (1989). Sochineniya [Essays: In 2 tt]: V 2 tt. –Т.2. Moscow [in Russian].
- [8] Solov'yev, V. (1890). Ex oriente lux. (Svet s Vostoka). [Light from the East]. *Stikhotvoreniye*. – Khudozhestvennaya literatura. – URL / <https://azbyka.ru/fiction/> (date of application: 17.11.23). [in Russian]
- [9] Merezhkovskiy, D.(1994). Polnoye sobr.soch. [The complete collection of works.]– Т.14. [in Russian].
- [10] Merezhkovskiy, D. Iskusstvo Serebryanogo veka [The Art of the Silver Age]. – URL: vk.com (date of application: 17.11.23). [in Russian].
- [11] Koval'chuk, T.YU.(2011) Prostranstvenno-vremennaya organizatsiya khudozhestvennogo mira poezii D.S.Merezhkovskogo, [The spatial and temporal organization of the artistic world of D.S.Merezhkovsky's poetry]. – URL: // <https://www.dissercat.com/> (date of application: 02.12.23). [in Russian]
- [12] Dolinin, A. (2000). Dmitriy Merezhkovskiy. [Dmitry Merezhkovsky] // *Russkaya literatura XX veka (1890-1910): v 2 t. - t.1*. Moscow [in Russian].
- [13] Shchennikova, L.P. (2003). Dmitriy Merezhkovskiy: struktura soznaniya filosofstvuyushchego poeta na poroge XX veka. [Dmitry Merezhkovsky: the structure of consciousness of a philosophizing poet on the threshold of the XX century] *Filologicheskiye nauki*. – № 6. [in Russian].
- [14] Kontsova, Ye.V. (2003). Svoyeobraziye poeticheskogo «Vostoka»v literature serebryanogo veka: K.Bal'mont, N.Gumilov, V.Khlebnikov [The originality of the poetic "East" in the literature of the Silver Age: K.Balmont, N.Gumilev, V.Khlebnikov]. – URL: // <https://www.dissercat.com/> (date of application:10.12.23). [in Russian]

[15] Besschetnova, Ye.V.. (2024.) Panmongolizm. [Panmongolism.] – URL: // <https://bigenc.ru/c/panmongolizm-9f1c80?ysclid=lsdk7dxfb1401473139> (date of application: 17.12.23) [in Russian].

[16] Gadzhiyeva, D.A. (2015). Vostok v tvorchestve poetov i pisateley serebryanogo veka kak otrazheniye yevraziyskoy mysli. [The East in the works of poets and writers of the Silver Age as a reflection of Eurasian Thought]. Izvestiya DGPU, №4 [in Russian].

[17] Gumilev, N. Poeziya. [Poetry.] – URL: <https://www.culture.ru/poems/38645/pyanyi-dervish?ysclid=lsdnxdn88k754202541> (date of application: 30.01.24). [in Russian].

[18] Akhmatova, A.A. (1990). Sobr.soch.v 2 t. [Collected works in 2 vols.] – Т. 1. Moscow [in Russian].

Умарова Г.С., Тюлебаева К.К.

КҮМІС ДӘУІР ПОЭЗИЯСЫНДАҒЫ ШЫҒЫС МОТИФТЕРІ

Андатпа. Мақалада 20-шы ғасырдың басындағы орыс әдебиетіндегі күміс дәуір поэзиясындағы шығыс мотивтерінің көрінісімен салыстыра отырып, романтикалық дәуірдегі еуропалық және орыс поэзиясындағы шығыс мәселесін, шығыс мотивтерін зерттеу нәтижелері көрсетілген. Шығыс тақырыбы мен шығыс мотивтерінің көркем мәтіндеріндегі еуропалық және орыс романтик ақындарының ортақ белгілері мен айырмашылықтары атап өтілді. Күміс дәуірі ақындарының шығармаларында шығыс феномені мен шығыстық мотивтердің болуын салыстырмалы талдауға сипаттама беріледі.

Мақалада романтиктерден айырмашылығы символист, акмеист, футурист және басқа да ақындардың Шығыс философиясы мен поэзиясы әлеміне шынайы ену идеясы дәлелденген. ХХ ғасыр басындағы ақындардың Шығыс мәдениеті ақындарының дүниетанымын зерттеуі туралы баяндалады. Олардың Шығыс феноменін бейнелеуінде, Қытай, Жапония, Үндістан, т.б. Ол скифтердің күміс дәуірі ақындарының еркін табиғат перзенті, ал скифтіктің тазаруға әкелетін стихиялық құбылыс ретінде ерекше қабылдауы туралы айтылады.

Мақалада Шығыс поэзиясының терең дәстүрлері әсер еткен күміс дәуір ақындарының әрқайсысының дерлік дара көркемдік стилі туралы хабар берілген. В.Соловьев Шығыс пен Батыс мәдениетінің синтезін, Д.Мережковский – Қытайдағы «құдайсыз дін, жердегі, аспансыз дін» адамзат тарихында «апатсыз нәтижеге» әкелетінін; Н.Гумилев парсы поэзиясындағы «гүлдер бағын» адамның табиғатпен бірлігі, соғысқа немесе барлық тіршілік иелерінің жойылуына ұмтылмайтын адамның бейбіт қызметі туралы ақиқаттың символы ретінде таң қалдырады; К.Балмонт – жапон поэзиясындағыдай құдайға жақындаудың символы ретінде гүлді өсімдіктерге тәнті болу; В.Хлебников – Шығыста болашаққа сақталған оң күштер; Азияның адамзатқа тарихи және ұлттық әлеуеті және т.б.

Кілт сөздер: шығыстық мотивтер; иррационалдық шығу тегі; күміс дәуірі; қызық дүние; рухани категория.

Umarova Gulnara, Tyulebaeva Komisai

EASTERN MOTIFES IN THE POETRY OF THE SILVER AGE

Annotation. The article reflects the results of a study of the problem of the East, oriental motifs in European and Russian poetry of the Romantic era in comparison with the display of oriental motifs in the poetry of the Silver Age in Russian literature at the beginning of the twentieth century. The common features and differences in artistic texts of the theme of the East and oriental motifs among European and Russian romantic poets are noted. A description is given of a comparative analysis of the presence of the phenomenon of the East and oriental motifs in the works of poets of the Silver Age.

The article proves the idea of a real immersion of symbolist, acmeist, futurist and other poets, in contrast to the romantics, into the world of Eastern philosophy and poetry.

It is reported about the study by poets of the early twentieth century of the worldview of poets of Eastern culture. A conceptually fundamental novelty is revealed in their depiction of the phenomenon of the East, their discovery of the poetry of China, Japan, India, etc.

It talks about the special perception by the poets of the Silver Age of the Scythians as children of free nature and Scythianism as a spontaneous phenomenon that brings purification.

The article contains a message about the individual artistic style of almost each of the poets of the Silver Age, which was influenced by the deep traditions of Eastern poetry. V. Soloviev notes the synthesis of the culture of East and West, D. Merezhkovsky - “a religion without God, an earthly, heavenless religion” in China, capable of leading to a “non-catastrophic outcome” in the history of mankind; N.Gumilev admires the “garden of flowers” in Persian poetry as a symbol of the truth about the unity of man with nature, the peaceful activity of man who does not strive for war or the destruction of all living things; K. Balmont - admiration for flowering plants, as in Japanese poetry, as a symbol of approaching the divine; V. Khlebnikov – positive forces stored in the East for the future; historical and national potential of Asia for humanity, etc.

Keywords: oriental motifs; irrational origin; silver age; fascinating world; spiritual category.